

Е. А. Иваненко, М. А. Корецкая, Е. В. Савенкова

Дарудар. Жизнь и смерть простых вещей

Он впал в неумеренность и умер
значительно раньше своей смерти...

Всеобщая история, обработанная «Сатириконом»

Выдергивая товар из потока товарооборота и впуская его в свой дом, мы присваиваем его и, тем самым, присваиваем ему статус вещи. Дальше ее судьба может сложиться по-разному: вещь может быть удачно истрачена; может укорениться надолго, превратившись в подручное и полностью избавившись от чуждости товара; а может остаться ненужным образчиком приступа шопоголии, мозоля глаза и занимая несообразно много места. Как бы то ни было, на горизонте судьбы вещи маячит драматическая развязка: рано или поздно с вещью необходимо расстаться. Но что значит эта необходимость, откуда протекает этот негласный, но, тем не менее, жесткий императив? Очевидно, что сегодня потребление — это социальная обязанность, гражданский долг по отношению к нашей среде обитания, которая изменяется быстрее, чем мы успеваем адаптироваться к ее требованиям, раз уж у нас есть желание сохранять и возвращать свой социальный статус. Можно сколько угодно фыркать и гневаться на мещанский консюмеризм, но занимать антагонистическую позицию по отношению к нему или полностью избегать его — все равно что пытаться выдворить себя за границы социального поля. Это просто бессмысленно. Потребительская максима (как, впрочем, и любые максимы) противоречива по своей сути, она требует невозможного погружения телесной человеческой инертности в сверхскоростной поток товарооборота. Мы должны успевать, что называется, *агрейдить* повседневность, изменяя свои телесные привычки, несмотря на отсутствие в том радикальной необходимости. Ведь в замене сотового телефона на смартфон по большому счету нет особой нужды, и уж точно нет прагматической необходимости в смене интерьера раз в два-три года. Тем не менее мы подстраиваемся под должествование, но при этом в сферу ненужного постоянно вытесняется значительное количество предметов оби-

хода. Но поскольку вещь уже прописалась в доме (и не важно, в качестве нужной или не очень), ее не так-то просто отправить на покой, выставить за дверь. Любая вещь, проросшая в повседневность, как бы обволакивается бытовым перламутром, неся на себе слои субъектности, зачастую бессознательного характера, и способна эти слои воспроизводить, напоминая о себе и своем месте. Игнорировать полностью подобные претензии наших вещей к нам не сможет даже самый завзятый циник — все ведь сталкивались с бытовой драмой расставания с верным и бывалым товарищем типа лыжной куртки или футбольного мяча. Необыкновенно сложно отправить на помойку любимые джинсы (где они только не побывали!) или детские вещички (ух, какие они миленькие!), ведь холодное слово «утилизация» и неприятное слово «мусор» как-то не вяжутся с процессом проводов в последний путь заслуженных героев бытия и быта. И даже просто ненужные вещи, о которых принято говорить «хлам» или называть их «уникальные товары», наподобие зря купленных миксеров, игровых приставок и не пригодившихся (хоть и дающих смутную надежду) массажных тренажеров, просто так не могут быть выброшены, поскольку в них были вложены деньги, время или отношение не слишком проницательного дарителя. Обывательская логика «ну нельзя же выбрасывать почти новую вещь» работает даже в случае полной невосребованности объекта. Так возникает, кстати, надежное правило: «пусть полежит, сок даст», опирающееся на могучую силу времени, а также на проверенное русское «авось» — вдруг сложится еще так, что вещь пригодится, и момент расставания с ней можно будет отсрочить легитимным образом. Но такое оттягивание неизбежного чревато захлаплением дома, образно говоря, превращением его в *барахлохранилище*. Наверное, у каждого из наших соотечественников в квартире есть алтарь бога Барахлохранила, располагающийся, как правило, на балконе, антресоли, в общем коридоре или (у счастливых обладателей хрущевок) в подвале. Эти ритуально-маргинальные зоны служат своего рода «чистилищем» вещей, которые вот-вот должны покинуть сей бранный мир. Правда сказать, это «вот-вот» может длиться годами, если не десятилетиями. Порой в экстазе генеральной уборки волна очищающего пафоса докатывается до этих авгиевых конюшен и сметает все

на своем пути. Но потом нередко накатывает реакционная волна раскаяния, ведь выброшенная вещь способна вытащить из глубин памяти целый комплекс былых телесных привычек, вызывающих ностальгическое чувство утраты. Как минимум, уколы совести гарантированы. Эти всем знакомые бытовые моменты затрагивают весьма широкий и непростой пласт проблем отношения с вещами: если вещь достойно жила, она должна достойно умереть.

Достоинство вещи в современном порядке домашнего пространства может заключаться не только в лирическом характере вещей-упаковок личной истории (далее по Мамардашвили), но и в более прозаическом ключе незаметной службы подручного (далее по Хайдеггеру). Оба этих типа вещей можно отнести к разряду простых, так как их непрозрачность, невоспроизводимость и атомарность ставят их особняком в ряду типовых товаров, из которых они в свое время произошли. Сила простых вещей в их способности создать оплот уюта в современном мире, но у этой силы есть обратная сторона — она превращается в сопротивление, с которым мы сталкиваемся при попытках освободить переполненное пространство. Слишком большое количество личиночных оболочек субъекта повседневности образует критическую массу, чреватую кризисом: с одной стороны они производят и поддерживают субъектность, с другой стороны, не оставляют места для нее самой. Бытовые стратегии «онтически-инстинктивного» обхождения таких острых углов овеществления «присутствия» могут быть самыми разными. Существуют локальные практики «торжественных похорон» особо полюбившихся вещей, например, сожжение в масленичном костре или ритуальное выбрасывание вещей из окон в новогоднюю ночь, практикующееся в Италии. Вещь можно попытаться продать, отдать родственникам или знакомым, отнести в церковь или благотворительный центр для нуждающихся, переделать в нечто условно новое, использовать как элемент для творчества¹. Медиа-среда по-своему откликается на зап-

¹ См. симптоматичную статью, размещенную на ресурсе с показательным названием «Искусство заботы о себе», рассчитанную на пользователей с высоким градусом гламурной озабоченности модой. «Мастер-класс: куда девать старые вещи, если их жалко

рос субъекта-потребителя и предлагает свежий способ легкого расставания с вещами в виде всевозможных сетевых сервисов, позволяющих с чистой совестью избавиться от ненужного. В Рунете к таким сервисам относится портал Дарудар, позиционирующий себя как «сервис бескорыстного дарения»². О нем и о тех практиках обмена простыми вещами, которые этот сервис организует, и пойдет в дальнейшем речь.

Дарудар был основан в 2008 году братьями Каракуловыми как сетевое сообщество, ориентированное на практику безвозмездного дарения вещей³, которые перестали быть нужными своим владельцам, но могут быть востребованы кем-то другим. Причем правила Дарудара достаточно жестко регламентируют типы предметов, которые нельзя предлагать в качестве даров⁴,

выбрасывать?». URL: <http://artofcare.ru/poleznie-soveti/3086.html> (дата обращения: 30.01.2013). Несмотря на гляцевую упаковку, подтекст запроса вполне может быть истолкован в духе Фуко, ведь речь идет о важном аспекте современной *эпимелейи* — организации себя через обновление и упорядочивание постоянно разрастающегося *оίκоса*.

² <http://darudar.org>

³ Интересно, что сами основатели проекта позиционируют его в сфере эксперимента науки или искусства: «Дару-дар — это проект, направленный прежде всего на формирование определенной культуры, на развитие такой социальной практики, как дарение. В этом смысле эффект нашего проекта близок эффекту научных, образовательных или религиозных учреждений». URL: <http://darudar.org/blogodar/post/4336/#scrollTo:comments> (дата обращения: 21.12.2012)

⁴ «Что не следует дарить на Дару-даре, несмотря на то, что формально это может быть даром: 1. Что можно отправить с помощью email или опубликовать в виде ссылки, картинки или текста, и что может существовать в таком виде, независимо от воли желающего. 2. Любую информацию, передаваемую на электронном носителе или в какой-то другой форме очевидно нарушающую чьи бы то ни было авторские права. 3. Любое предложение встречи, в которой сам по себе факт знакомства и общения является ключевым и не предполагает со стороны дарителя каких-то особых умений или услуг. 4. Вещи, являющиеся скорее инструментами маркетингового воздействия (каталоги, купоны, скидки). 5. Любые предложения, по сути являющиеся неявными просьбами о помощи. 6. В чём возникает сомнение: “выбросить или подарить?”. URL: <http://darudar.org/page/ideology/notagift/> (дата обращения: 21.12.2012).

отличают дары от подарков⁵ и описывают этикет сетевого дарения. Даже беглый взгляд на витрину даров на главной странице сайта позволяет понять, что многое из предложенного никогда не стало бы подарком в привычном смысле этого слова, прежде всего потому, что большинство вещей уже побывало в употреблении, и эта их неотъемлемая характеристика еще и подается как достоинство. Здесь можно встретить вещи модные и, мягко говоря, не очень, почти новые и траченные молью, милые, но бесполезные вещички, технику целиком и россыпью в виде запчастей, хендмейд и хлам для «творчества», плоды шопоголии и самые странные образчики счастья коллекционера вроде календариков, мишек и оберток от конфет. В отличие от досок объявлений типа «Авито» и «Из рук в руки», где есть подразделы для вещей, отдаваемых бесплатно, на Дарударе принято широкое сетевое общение вокруг каждого конкретного дара, а также обязательна публичная благодарность. То есть акцент ставится на коммуникативной составляющей практики дарения, а не просто на «халявном» способе приобретения материальных благ. На Дарударе вообще нет вещей как товаров, все они (даже совершенно новые) склеены с потоком эмоций, превращающих каж-

⁵ «Подарок — это то, что от тебя требует обычай ... Мы делаем подарки вынужденно, не свободно, в силу сложившихся традиций делать подарки. Подарок всегда обременен тысячами условностей и взаимных обязательств. Под каждое событие подходит строгий набор регламентированных вещей, которые можно подарить. Очень часто подарок требует ответного подарка. Совсем другое дело — дар. Дар — это наше бескорыстное желание сделать кому-то хорошо. Это желание, не связанное ни с какими регламентами или установлениями. Мы сами решаем, когда мы хотим сделать дар, что хотим отдать и кому. Иногда мы даже ничего не решаем: просто вдруг берем и дарим. Так мы отдаем в дар свои улыбки, свое хорошее настроение, свои знания или свое мастерство. Иногда случается, что кому-то очень нравится какая-то наша вещь, и тогда мы говорим: «Забирай себе, я тебе дарю, тебе это нужнее, чем мне». Твой дар — это праздник, который ты придумываешь сам. Дар — это всегда что-то очень эксклюзивное, неповторимое, случайное, порой странное, но в любом случае не обремененное никакими вынуждающими обстоятельствами или моральными установлениями». URL: <http://darudar.org/page/ideology/thegift/> (дата обращения: 21.12.2012).

дую вещь в коммуникативный повод, ставя ее особняком и нагружая ее чем-то «человеческим, слишком человеческим». Обычные вещи (вернее сказать, товары) продаются, обмениваются и даже дарятся через многочисленные торговые порталы и доски объявлений. Но суть отношений дарения, представленных на таких сервисах, совершенно другая — это безвозмездная передача какого-либо предмета, не предполагающая подвигов общения и стяжания сетевой славы на этой почве. С помощью подобных объявлений люди просто избавляются от квартирного хлама, который слишком тяжел или неудобен, чтобы выбросить его самостоятельно, и именно поэтому предмет отдается первому же пожелавшему: никакого пафоса, лишь будничная деловитость. На Дарударе процесс дарения организован иначе, здесь волшебным образом извлекается энергия счастья из маленькой трансформации почти филологического характера. Субстантивация наречия в неприятном словосочетании «отдам даром» (потому что выбросить жалко, а деньги за это просить неловко) превращает будничный способ сбыть барахло с рук в праздник Свободного и Роскошного Благодеяния. Дар бытовых избытков незнакомым людям оказывается более перспективным в деле обретения субъектного тонуса, чем подчиненное необходимости наделение подарками людей близкого круга. Рутинная и праздничная поменялись местами, «ближние» и «дальние» тоже — в целом ход, типичный для вовлечения пользователей в интернет-коммуникацию. Потому-то дар отдается далеко не сразу, положено сначала провести своеобразный аукцион желающих и выбрать того, «кто наиболее достоин». Выбор одариваемого предполагает, кстати, не только личные симпатии и внимание к мотиву желающего, но и знакомство с персональной историей активности одариваемого в рамках проекта Дарудар. Так называемые «пылесосы» (те, кто постоянно желают даров, но ничего не дарят сами) методично отслеживаются дарударовцами и предаются публичному позору в специально отведенном на сайте месте, в разделе «Блогодар».

Первоначально сообщество было закрытым (во имя чистоты идеи и практики) и доступ к регистрации можно было получить только по приглашению, но сервис довольно быстро набирал обороты (тайные общества всегда особенно при-

тягательны)? и в скором времени к регистрации стали допускаться все желающие. Стремительный рост проекта⁶ привел к эффекту самоорганизации (то есть за порядком стали следить сами пользователи, и таким образом открытый характер сообщества послужил не размыванию, а интенсификации проекта), и эта особенность подчеркивается создателями сайта в разделе «Миссия» в качестве значительного достижения. Интересно, что хотя в Сети есть другие сайты-сервисы дарения⁷, но ярко выраженная идеология и миссия есть только у Дарудара. На идеологическую составляющую организаторы проекта делают основной упор, заявляя? что «с помощью современных интернет-технологий можно создать повсеместную социальную практику дарения, сделать дарение каждодневным и повседневным поступком⁸». Дальше декларация и вовсе приобретает утопический оттенок, обещая, что с помощью Дарудара может быть «воспитана новая коллективная традиция — не копить вещи и не выбрасывать их, а дарить при первой же возможности. Люди научатся дарить и станут практиковать дарение в своей повседневной жизни — уже за пределами сайта. Нет ни малейших сомнений: если такое произойдет, то мир точно изменится, он неминуемо станет лучше. Ведь что такое повсеместное дарение? Это пространство максимального доверия друг к другу. Это всеобщая вера в благородство и

⁶ Согласно дарономике — статистике, предоставляемой самим сервисом Дарудар, за четыре года существования к проекту примкнули более 3400 городов из нескольких десятков стран, было подарено свыше полутора миллиона даров, написано более двух миллионов благодарностей. На данный момент проект насчитывает 171 000 зарегистрированных пользователей. URL: <http://darudar.org/daronomics/> (дата обращения: 12.12.2012).

⁷ Сетевые проекты, на которых есть возможность получить что-либо даром, довольно многочисленны: ОтдамПриму.ру, ОтдамДаром.ру, директория в Живом Журнале «Почти даром» <http://po4tidarom.livejournal.com/>, форум «Дарилки» <http://darilki.com/forum> или сервисы подарочных услуг наподобие DrinCash <http://ourmeal.ru/2011/08/drincash-originalnyj-servis-dareniya/>

⁸ URL: <http://darudar.org/page/ideology/mission/> (дата обращения: 12.12.2012).

честность человека⁹. Да, вот так: ни больше ни меньше закладывают организаторы в свою идею — подари пуговицу и спаси человечество. И желающих примкнуть к этой идее оказывается невероятно много: как ни странно, людей соблазняет сама возможность окунуться в описываемую атмосферу «благородства и честности человека». Как пишут сами пользователи сервиса, соучастие в проекте позволяет им ощутить «волны тепла»¹⁰, которого им не хватает в повседневной жизни. Кстати, интересно, что пользователи Дарудара именуют себя не иначе как «сообщники», что тоже отсылает к некоему «общему делу», во имя которого обыватели самозабвенно борются (а вернее, даже ведут партизанскую войну) с холодным и безликим отчуждением общества потребления. «Дар — это наше бескорыстное желание сделать кому-то хорошо. Это желание, не связанное ни с какими регламентами или установлениями»¹¹. Градус осознания «правого дела» так высок,

⁹ Этот соблазн может перерасти в своеобразную зависимость. Сама возможность сыграть короткий пафосный акт на сцене Дарудара провоцирует пользователей на экстраординарные дары. Например, один из пользователей расстается с фамильной ценностью, ювелирным комплектом, который явно имеет не только высокую денежную стоимость, но и дорог как часть семейной истории. Вокруг этого дара завязывается такой диалог:

Annnri: почему же решили подарить? почему не передать по наследству, как фамильную ценность?

horoshiy Если честно, очень захотелось подарить именно на Дарударе.

Annnri: а, ну это святое)) да, иной раз трудно удержаться, чтобы даже любимое не подарить)) затягивает дарудар

Neeka: Не то слово) Я уже очень зависима)

Annnri:)) и я))))

(URL: <http://darudar.org/gift/2095123/> (дата обращения: 17.12.2012).

¹⁰ «В течение нескольких дней я встретила с дарителями, и волна тепла — та, что была у меня дома, когда я сама дарила варенье, — настигла меня и на улице. И оказалось не важно, даришь ты или принимаешь в дар, — тепло будет в любом случае». Пользователь Popuga. URL: <http://piter.cosmo.ru/piter/articles/971196/> (дата обращения: 08.12.2012).

¹¹ URL:<http://darudar.org/page/ideology/thegift/> (дата обращения: 15.12.2012).

что за чистотой практики дарения пользователи следят всем миром, зачастую срываясь в стукачество и добрососедскую «охоту на ведьм», жестко преследуя нарушителей писанных и неписанных конвенций¹². Эти бесконечные сетевые ссоры и пересуды, с одной стороны, противоречат установке на дружелюбие и желание бескорыстно осчастливить ближнего, а с другой стороны, подтверждают, как ни странно, то, что сообщество действительно живо. Секрет этой живучести и потенциала к росту и самоорганизации заключен в удачной исходной идее разработчиков — связать воедино тягу современного пользователя к сетевому общению и его же тоску по контакту с простыми вещами и простыми человеческими эмоциями. Избыточная виртуальность сетевого общения успешно компенсируется здесь плотностью самой вещи, вокруг которой строится коммуникация, и теми ритуалами, в которые упакована практика дарения на Дарударе, — всеми этими «общими встречами», тусовками по пятницам, публичными благодарностями и другими вещдоками состоявшихся актов благо-дати.

Эта уникальная организация коммуникативных практик по поводу вещей, взятых в специфическом контексте дара, позволяет поставить целый ряд вопросов. Во-первых, как соотносится дарение на Дарударе с архаической циркулирующей даров и современной практикой подарка? Во-вторых, не складывается ли здесь новый тип обмена, если пользоваться терминами Бодрийяра, смешивающий черты эквивалентного и символического обменов? Каковы характеристики сообщества, сформированного на этой почве, и субъекта, в него включенного? Как трансформируется телесность, упакованная в дары такого рода? Наконец, что происходит с вещью, проходящей цикл сетевого дарения, появляющейся из ниоткуда и в никуда исчезающей?

¹² Для обсуждения качества даров и поведения дарителей существует специальный раздел «Призвать общественность». Сам по себе этот раздел — кладезь не только разнообразных психотипов, но и довольно резких высказываний, которыми обмениваются «общники», отстаивая чистоту практики, святость миссии и незыблемость традиций.

Такие простые и понятные вещи, как дары и подарки, со всеми их метаморфозами встроены сегодня в очень сложные, наслаивающиеся горизонты смыслов и традиций, в которых нетрудно заблудиться. Конечно, в свете повседневности между подарком и даром нет особой разницы¹³. Интересно, что ревностно соблюдаемый в постсоветском пространстве в 90-е неписанный закон «дареное не передаривают» сегодня слегка сдает позиции, уступая натиску серийных подарков типа *urto-date* (иначе говоря, сувенирный ширпотреб, завязанный на тему какого-либо общественного праздника). Такие подарки, как правило, обезличены, редко носят утилитарный характер и сразу расположены в сфере избыточного. Как следствие, их часто передаривают, причем не раз, на волне праздничного настроения. Так, например, за пару недель всенародного празднования Нового года можно наблюдать безудержный круговорот безделушек, елочных украшений и шоколада, кочующих по рукам родственников, коллег и знакомых. И горе оказавшемуся в конце этой цепи дарения — ему придется изыскивать место в серванте под декоративные свечки и вредить организму не слишком качественным сувенирным шоколадом. Или же по возможности придержать полученное до следующих праздников, чтобы снова запустить в подарочные потоки. Можно сказать, что такое отношение к подаркам уже стало традицией, пусть и негласной. Здесь сфера избыточного потребления проявляет себя на все сто. Если раньше передаривать что-либо приходилось из соображений дефицита, то сегодня наоборот: сам подарочный предмет своей нарочитой ненужностью прозрачно намекает на возможность комфортно передарить его. Если обмен подарками — способ завязать и поддержать социальные связи, то такая всеобщая тенденция практики дарения симптоматична и можно только сокрушенно вздохнуть вслед за Бодрийяром: условность и взаимозаменяемость циркулирующих даров выражает условность и взаимозаменяемость отношений. К тому же тут в

¹³ Подробнее о типологии современного подарка (см. статью: Сериков А. Е. Подарок как вещь. Опыт цинического исследования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2008. № 1(3). С. 90–99).

традиции дарения происходит малозаметное, но радикальное изменение: подарок, превратившийся в формальность, вместо того, чтобы быть декларативно неумеренной тратой (каковым был дар в архаике), ориентируется на желание в общем и целом «отделаться малой кровью». Он генерирует вокруг себя сферу популярной ныне конвергентности, позволяя и деньги сэкономить, и связи поддержать, и влиться в общую эмоцию празднества. Где-то в этой же области располагается и механизм обмена дарами на Дарударе.

Особо впечатляет количество вещей, вращающихся на страницах этого ресурса. Квинтэссенцией этой текучести можно считать особый тип дара на портале — «кота в мешке». С незначительными нюансами в правилах по цепочке передаривается набор неизвестных заранее вещей, и каждый одариваемый изменяет этот набор по своему усмотрению. По сути это возможно поддержать в руках кусок трубы, срез потока вещей. Такие «коты в мешке» весьма популярны на Дарударе, и это многое говорит о нем. Дарудар возрождает здесь эмоцию, похожую на ту, которую вызывали небезызвестные «письма счастья»: эдакое интенсивное ощущение сообщества, сильного своей незримостью, а значит, весомостью, пусть и потенциальной. Это игра, и по законам игры допускаются преувеличения и фантомы. Платформа Дарудара подливает масла в огонь, делая зримой цепочку дарителей, позволяя увидеть статистику передаривания и проследить путь вещи, заковыкая в публичный текст летучий аффект благодарности одаренных. Эта виртуально-высокотехнологичная оснастка привносит что-то весомое в структуру отношений пользователей-дарителей, в результате сплав древнего архетипа дара и ультрасовременного ноу-хау производит гипер-дружелюбный механизм порождения смысла и ценностей в эпоху, когда ни первого, ни второго уже толком нет, а есть один медийный компот.

Действительно, некоторые аспекты безудержного круговорота вещей на Дарударе напоминают архаические практики обмена дарами, причем настолько, что даже не опознаются современниками, привыкшими распоряжаться даром, словно товаром или вещью из сферы частной собственности. Это привычное отношение к подаренному как к присвоенному

дает странным образом сбой в сообществе дарударовцев. Вот как пишет одна из участниц: «В последнее время на ДД идет “охота на ведьм”: получается, что если тебе что-то подарили, а тебе это не подошло, то вещь как бы не совсем твоя собственность — ты должен ее “подарить дальше”. Я с этим категорически не согласна, ибо это бред. Люди слишком заигрались в какую-то “идею”»¹⁴. Интересно, что эта «идея» о принадлежности даров скорее сообществу Дарудара в целом, чем отдельным участникам, так сильно похожая на принцип циркуляции благ в племени, не была внедрена искусственным образом, она самостоятельно возникла как побочный эффект декларируемого выхода за рамки эквивалентного обмена. Здесь уместно вспомнить, что писал М. Мосс об архаической циркуляции даров¹⁵, которую позже Ж. Бодрийяр назвал системой символического обмена, щедро приправив ключевые тезисы «Эссе о даре» экстрактом батаевской трансгрессии¹⁶. В традиционных обществах обмен дарами представлял собой бесконечный и постоянно нарастающий поток, и каждый член сообщества имел право (и обязанность) быть причастным к нему. Ритуальный смысл трех правил дарения¹⁷ по Моссу состоял в том, чтобы укреплять связи мира путем трансляции через себя некой сакральной силы, *маны*, которую попросту нельзя остановить, оставив дар у себя¹⁸.

¹⁴ URL:<http://irecommend.ru/content/vsemirnaya-pomoika-ili-rochemu-ya-ushla-s-darudar> (дата обращения: 12.12.2012).

¹⁵ Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Восточная литература, 1996.

¹⁶ Имеется в виду книга Ж. Бодрийяра «Символический обмен и смерть», написанная под явным влиянием «сакральной социологии» Ж. Батая.

¹⁷ Обязанность давать, принимать дары и возмещать их.

¹⁸ «Совершенно ясно, что в маорийском праве правовая связь, связь посредством вещей — это связь душ, так как вещь сама обладает душой, происходит от души. Отсюда следует, что подарить нечто кому-нибудь — это подарить нечто от своего “Я”». И далее: «Все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет пе-

Такое нарушение миропорядка было бы чревато разнообразными бедствиями и даже смертью как для нарушителя, так и для всего сообщества. Принцип отдаривания предполагал некоторую возгонку ценности, и в случае если сам предмет дарения было невозможно передать дальше (продукты питания; вещи, подлежащие расходованию), он заменялся на лучший и больший. Таким образом, утверждался принцип престижной траты, по которому дающий приобретает статус более высокий, нежели получающий, что, собственно, и привело к такой форме обмена дарами, как пресловутый потлач¹⁹. Потлач как принцип сопричастности одновременно описывал четкий круг сообщества и гарантировал его обозримые границы. Понятно, что магическая составляющая этой практики имела в том числе и строго социальный смысл: обмен вещами был не чем иным, как установлением и поддержанием связей между кланами. Благодаря ограниченному и постоянному количеству участников обмена дарами, была возможна

редачи и возмещения. Все уходит и приходит так, как если бы между кланами и индивидами, распределенными по рангам, полам и поколениям, происходил постоянный обмен вещества, заключенного в вещах и людях» (*Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер. с фр., послесл. и коммент. А. Б. Гофмана ; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Восточная литература, 1996. С. 100, 103).*

¹⁹ «Точный смысл и цель жертвенного уничтожения — служить даром, который обязательно будет возмещен. Все формы потлача северо-запада Америки и северо-востока Азии знакомы с этой темой уничтожения. Предают смерти рабов, жгут драгоценный жир, выбрасывают в море медные изделия и даже сжигают дома вождей не только для того, чтобы продемонстрировать власть, богатство, бескорыстие, но и для того, чтобы принести в жертву духам и богам, в действительности смешиваемым с их живыми воплощениями, носителей их титулов, их признанных союзников» (*Мосс М.* Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах... С. 107). «Потребление и разрушение при этом не знают границ. В некоторых видах потлача от человека требуют истратить все, что у него есть, и ничего не оставить себе. Тот, кому предстоит быть самым богатым, должен быть самым безумным расточителем. Принцип антагонизма и соперничества составляет основу всего» (там же. С. 140).

не только возгонка блага, но даже и долгосрочная инвестиция со своего рода процентами. Так, в случае когда из круга дарения выбывали по причине смерти родители, причитающуюся им ману наследовали дети, что обеспечивало им определенное благосостояние. Жорж Батай, увидев в потлаче практику не столько установления социальных гарантий, сколько прямого уничтожения богатств, развил целую теорию экономики растраты²⁰, которая, как и все у Батая, сочетала интересные интуиции с явными теоретическими излишествами. Согласно Батаю, разорительный характер даров имеет ту же природу, что и жертвоприношение. Его смысл в простом и экстатическом развеивании по ветру всегда имеющегося у общества в целом избытка вещей, богатств и энергии (который в противном случае обязательно приведет к социальному взрыву). Бодрийяр, сетуя одновременно на принудительный характер обмена дарами в концепции Мосса — ведь от участия в нем нельзя уклониться — и на подспудную метафизичность батаевских построений — ведь под идею трансгрессивного уничтожения у Батая попадает абсолютно все (природа, дикари, эротика и экономика), провозгласил различие символического и эквивалентного обменов. Полемизуя с Моссом, Бодрийяр отмечает, что в обмене дарами важную роль играла темпоральность — при жестком требовании отдариваться никто не делал это сразу же и теми же самыми благами. Таким образом, темпоральность привносит в архаический обмен элемент интерпретативности, непредсказуемости и риска, а потому можно говорить о его символическом характере, что отличает архаические практики от однозначно тарифицированных эквивалентных практик современности. Однако аспект темпоральности в обмене может быть заострен до предела, учитывая, что время отсылает к конечности и смерти. Смысл ритуального уничтожения богатств в потлаче, согласно Бодрийяру заключался не в том, чтобы в строгом смысле слова отправить часть богатства в небытие (архаика не знает трансценденций!), а в том, чтобы поддерживать отношения обмена с мертвыми. Поэтому символический

²⁰ См.: *Батай Ж.* Проклятая часть. Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006.

обмен есть не что иное, как циркуляция смерти: он предполагает обратимость жизни и смерти как характеристик социальных статусов²¹. Именно этот момент, а не эксцесс слишком в своей основе постметафизической трансгрессии делает растрату праздничным мероприятием. И еще один аспект, связанный со славой и престижем дарящего. Бодрийяр подмечает, что экономика славных трат может иметь место в обществе, в котором отсутствует жесткая стабильная иерархия, поскольку ее смысл — в периодическом перераспределении статусов и благ, в их обратимости, что не дает односторонне накапливать и сосредотачивать богатства в одних и тех же руках. Иными словами, символический обмен — это средство от «закупоривания» власти.

Как уже было отмечено выше, некоторые характерные черты символического обмена стихийно возникают в интернет-сообществе Дарудара. Пользователи, вовлеченные в эту практику, постепенно встраиваются в логику, близкую к логике потлача, хотя и не покидают логики эквивалентности:

²¹ Логика обратимости и циркуляции такова: предки — это те поколения, которые жили и умерли, живые живут сейчас, чтобы после присоединиться к мертвым. В праздничной атмосфере живые и мертвые встречаются, чтобы произвести обмен и поддержать отношения. Предметом обмена может быть юноша, проходящий инициацию, — он попадает в руки предков, чтобы потом вернуться к живым, чтобы потом когда-нибудь самому стать предком. Уничтожая богатства в ритуале, живые отдают их мертвым, чтобы те, в свою очередь, самым щедрым образом помогли увеличивать богатства живых (см. главу «Обмен смерти при первобытном строе». *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 242–259).

²² Причем количество даров рассматривается с точки зрения перехода в качество, перед нами своеобразная гекатомба в логике эквивалентности. В качестве примеров можно привести такие цитаты: «П.с. спасибо barri5 За рекомендацию моего юбилейного сотога дара в избранные дары!!! Для меня это много значит, рада, что мой дар кому-то так понравился!!!» (<http://darudar.org/gift/2241385/> Пользователь Julia.gaf, дата публикации: 29 янв. 2013 г) «Мой 1000-ый дар!!! Сюрприз =)) Вот я и добралась до 1000 дара и по этому поводу хотелось бы сделать одной девушке-женщине сюрприз. Желайте =))» (<http://darudar.org/gift/2208658/> Пользователь Natasa, дата обращения: 11.01.2013).

их дары становятся все более ценными, многочисленными²² и явно растратными для своих владельцев, хотя и не разорительными. Но здесь у сетевых практик есть ряд серьезных расхождений с традиционным обменом дарами. В частности, подарочная деятельность на Дарударе носит совершенно необязательный характер в отличие от жизненно необходимого участия в архаической циркуляции даров. Как мы помним, отсутствие регламентов подается здесь как условие свободы и бьющей через край спонтанности, это игровая система, где можно в любой момент произвольно «войти» и «выйти», переиграть уровень заново, ничем особенно не рискуя.

Кроме того, открытое устройство сообщества в сети обеспечивает резонанс совершенно другого рода, поскольку круг «соплеменников», будучи виртуальным, по определению разомкнут и ситуативен, да и процесс передачи даров не может замкнуться, образуя гарантированный миропорядок. Потому-то три правила по Моссу («дарить, принимать, возмещать») заменяются тремя правилами по братьям Каракуловым («встречаться, дарить, благодарить»), намекая на приоритет тусовочно-коммуникативной компоненты. Не говоря уж о том, что сама система потлача в современности скорее действует вразрез с общепринятой нормой и в результате экстраординарный дар, по сути, оказывается чем-то вроде мелкой мешанской революции. И отношение к нему будет соответствующее: «сообщники» расценят такой сверхщедрый жест как неуместную выходку, заподозрив слишком откровенное желание навязать себя сообществу в одностороннем порядке. Это вряд ли прибавит статуса дарителю, поскольку дарение на сайте завязано на демократические и потребительские принципы и погружено в систему эквивалентного обмена. И это сказывается не только на характере отдаваемых вещей, но и на их оценке в качестве даров. Образно говоря, хотя того пользователи или нет, в их головах установлен и безотказно работает счетчик эквивалентной стоимости. Потому-то верхняя ценовая граница приемлемого дара негласно устанавливается в рамках средней зарплаты, нижняя же граница отсутствует вовсе, так как вместе с ничем не стоящими безделушками передается и получается нечто, близкое к архаической мане, а именно бесконечно ценное в наш технологический

век живое человеческое общение. Но и тут срабатывает механизм эквивалентного пересчета, и оказывается, что общение тоже имеет определенную котировку стоимости и предполагает, по сути, акт купли-продажи, но не за деньги, а за универсальную валюту эмоций, которая не подвержена инфляции. Вариабельность предполагаемых эмоций завязана на характере дара и выборе одариваемого. Так можно отрегулировать дивиденд от раболопной благодарности неимущего, получившего буханку хлеба, до благородной признательности коллекционера, обретшего редкую открытку. Конечно, это напоминает свойственный потлачу обмен отданных благ на честь и славу, но речь идет не о славе как о сиянии божественной харизмы, а о вполне исчислимом символическом капитале. Суть корыстной составляющей такого дара налицо: по правилам сообщества за дар обязательно надо благодарить, естественно, публично, желательно с фото подаренного объекта, количество благодарностей автоматически фиксируется, калькулируется и учитывается в статусе пользователя. Даже действие вроде «Анонимных Дедов Морозов»²³ встроено в ту же схему — просто благодарность превращается во всеобщий резонанс сообщества, эмоцию праздника и радость от причастности к чему-то большему. В эпоху пресыщенности потреблением такая эйфория — штука редкая и просто так на дороге не валяется. Потому и не жаль усилий. Таков ассоциативный перенос образа гармоничного человека с тела, усиленно тренируемого здоровым образом жизни, правильным питанием и фитнесом, на дух, воспитуемый умерщвлением вещей в себе. Дарение (точно так же, как йога, например) из ритуала превратилось в тренинг, встроившись тем самым в структуры потребления.

Дарудар позиционируется как сообщество бескорыстно дарения. Однако так ли уж все бескорыстно? Да, с пользо-

²³ Акция «Анонимные Деды Морозы» предполагает отправку неизвестного дара от неизвестного дарителя участнику акции. Хотя справедливости ради надо отметить, что непрямая, анонимная благодарность ценится куда меньше, в результате чего реальных (то есть на самом деле отправивших дары) участников оказывается значительно меньше, чем заявляется исходно. В частности, акция 2012-2013 года в статистике выглядит так: всего участников — 918, отправили подарок — 98, получили подарок — 3. URL: <http://darudar.org/blogodar/post/4106/> (дата обращения: 29.01.2013).

вателей при регистрации не взимается плата, и нет никаких «особых» платных услуг, как это часто бывает в сетевых социальных платформах. Но, тем не менее, на Дарударе проводятся «кампании народного финансирования»²⁴, которые самими разработчиками описываются как встроенные в логику дарения: «А ведь это самая настоящая практика дарения, только люди дарят не услуги и вещи, а деньги! И кто как не мы, сообщество дарения Дару-дар, можем привнести в нашу собственную культуру эту замечательную практику!»²⁵ По приведенной статистике за 80 дней было собрано 250 тысяч рублей. В акции приняли участие 265 человек. С учетом масштаба сервиса это совсем небольшие деньги на поддержку и развитие проекта. Реклама, размещенная на сайте, должна приносить значительно большую прибыль, собственноручно и окупающую все затраты. Однако важна сама практика общественного сбора денег с целью все той же эскалации коллективных эмоций. Овеваемый бризом заграничной новизны краудфандинг²⁶ привлекает внимание как не надоевший еще тренинг социального тела, изящно минимализирующий количество этапов для достижения результата. Ведь в отличие от привычной схемы «утром — деньги, вечером — стулья» сама оплата и есть результат, и есть оказанная, как это ни странно, услуга. Непростая схема подобной коммерции может быть распутана еще и с другой стороны, со стороны индивида-пользователя, который прямо или косвенно инвестирует свое время и деньги в механизм работы сервиса. В одном из промо-текстов о Дарударе даже приведена очень аккуратная калькуляция затрат рядового пользователя в день, где расписаны четыре встречи с дарителями, приведены затраты времени и финансов на транспорт и ланч. Заканчивает-

²⁴ URL: <http://darudar.org/page/crowdfunding2012/result/> (дата обращения: 30.01.2013).

²⁵ URL: <http://darudar.org/blogodar/post/4329/> (дата обращения: 30.01.2013).

²⁶ Буквально «народное финансирование, от *англ.* crowd funding, crowd — «толпа», funding — «финансирование». Добровольное объединение финансов для решения какой-либо проблемы. Движение зародилось в 1997 году в США, но истинный размах приобрело в 2000 с приходом Интернета «в каждый дом».

ся этот этюд в дармовых тонах фразой: «Минус 152 рубля на транспорт и 200 за субботний ланч — отличная плата за прекрасный день»²⁷. Одним словом, очевидно, что здесь **продано задешево желание общаться задаром**. Ну чем не слоган?..

²⁷ «Дневник сообщника ДД Meoth. За неделю мне было обещано 4 дара, я назначила все встречи на субботу: пусть воскресенье останется свободным — и у меня, и у дарителей. Дар №1 (ближайший адрес к моему дому). Низкий старт. Всего одна маршрутка (27 рублей), 10 минут, и я у подъезда. Звоню, отвечает Анна (AnnaUZ), и уже через пару минут, уютно поживаясь, она спускается и отдает мне пакетик с тесьмой, так нужной мне для шитья. К дару прилагается маленький бонус — сборка для штор. Ура! Мы улыбаемся звонкому дню и расходимся. Дар № 2 обретается недалеко от метро “Комендантский проспект”. Достаточно близко: пара маршруток (27+27 рублей), 15 минут пути плюс 5 минут пешком. Звоню в домофон — тишина, в телефон — тоже. Жду, снова звоню, тишина. Уже собираюсь уйти, но тут мобильный, наконец, отвечает: “Да-да, извините, ребенок уснул, домофон выключили”. Вскоре спускается дарительница Валерия (messalla) и вручает мне теплую вязаную кофту для моего сына. “Моя мама, знаете, когда нервничает, начинает вязать. А что у нее получается, ее не очень волнует”. По мне — отличная кофта цвета кофе с молоком, у сына в садике не жарко, самое то. Благодарю и удаляюсь в сторону метро. По дороге звоню следующей сообщнице. Дар №3 в Автово. Перекусив и выпив кофе в торговом центре, неспешно спускаюсь в метро (22 рубля), и через 40 минут я уже на месте. Здесь у цветочного киоска меня поджидает Оля (Clover). У Оли в пакете зеленый хлопковый пиджак. Чудесный, скажу я вам. (Забегая вперед, открою тайну: вечером того же дня я провела ревизию моего гардероба и выяснила, что эта яркая вещь идеально сочетается с большей его частью и точно уберегла семейный бюджет от значительных трат.) Дар № 4 живет на острове. На Васильевском. Сорок минут в метро (22 рубля) и десять — пешком. Встречаемся под вывеской магазина на 12-й линии. У Дианы (Diana1508) для меня совсем маленький дар. Аппликация для термоперевода в виде пасифика и каучуковый шнурок для кулона на шею. Мой сын все время рвет штаны. И шнурочки на моей шее, где обычно размещается подарок мужа, что-то вроде талисмана, он рвет тоже. Это маленькие, но очень мне нужные дары! Перекинувшись парой слов, мы прощаемся. Я иду на маршрутку (27 рублей) с полным рюкзаком и плещущим через край зарядом позитива от четырех, еще вчера совершенно не знакомых мне людей. Попутно я отдохнула от компьютера, глотнула жизни большого го-

В этой связи интересно, что некоторые пользователи-дарители высказывают в отзывах недовольство недостаточным уровнем почтения со стороны принимающих дары, так как в логике эквивалентности такое поведение выглядит как надувательство. Эта внутренняя разница потенциалов порождает бесконечные ссоры между старожилками Дарудара, которые инстинктивно воспринимает себя как хранителей традиций и ритуалов, и новыми пользователями, которые естественно не чувствуют «культурной» подоплеку дарения и позволяют себе невольные святотатства. Так, кстати, возникают не знающие разрешения споры насчет того, что считать даром, а что уже мусором²⁸. Зыбкость и конфликтность раз-

рода, прочла книжку и... (это важно!) соскучилась по любимым. Мужу и сыну. Минус 152 рубля на транспорт и 200 за субботний ланч — отличная плата за прекрасный день». URL: <http://piter.cosmo.ru/piter/articles/971196/> (дата обращения: 12.12.2012).

²⁸ Одна из основных тем — тонкая граница между мусором и даром.

Alex: А давайте 80% даров ату из ленты! ОНИ ЖЕ, О БОЖЕ, С ДЕФЕКТАМИ!!!

О БОЖЕ! МОНИТОР НЕ ВКЛЮЧАЕТСЯ! ОН ЖЕ УБЬ-
ЕТ! АТУ ЕГО ИЗ ЛЕНТЫ! О БОЖЕ! ОТДАЮ НАСТОЛЬНЫЙ
СВЕТИЛЬНИК БЕЗ ЛАМПОЧКИ! КАК ОН ПОСМЕЛ!

Вы чего, женщины? Может, одни шмотки дарить???

Alex: Все на мусорку! Антиквариат туда — нефиг захламлять квартиры, электронику и запчасти — радиолюбителей сейчас слишком мало...оставим одно шмотье и переименуем ДаруДар в СекондХэнд!..

Silvercharm: Оказывается, самоорганизаторы, не берущие пример с пользователей вроде Sarochka, на самом деле не люди, а «тоненько твякующие, трясущиеся всем своим тельцем, от скуки занимающиеся слежкой и придирками болонки». То есть все те ношенные сумки/сапоги с неисправными молниями, которые я вышвырнула в мусорный бак, мне следовало спустить дарударовцам... И неважно, что услуга по вставке молний обойдется дороже, чем эти пожитки. Главное, чтоб малинова цифирь безостановочно росла. Во что бы то ни стало. Даже битая посуда сгодится. Ещё у меня от трёх люстр с перегоревшими патронами (люстры утилизированы, но, ах, зачем...) красивые цельные плафоны сохранились (12 шт.), а также висюльки от одной из них надо было выложить «на хм»... Невзирая на регулярный выброс мусора, у меня в сарае ещё навалом «даров прекрасных». Столько, что если обнаружить в общей ленте всё то,

личия понятны: исходно дар должен быть по возможности роскошно-неутилитарен. Однако безвозмездный обмен б/у вещами легитимируется дискурсом пользы, тем более что потасканная роскошь в логике эквивалентности не является таковой. Стало быть, то, что по разным причинам жаль выбросить, можно предложить в дар лишь в двойной упаковке из умиления и пользы, даже если предполагаемая польза весьма и весьма условна.

Интенсивная защита «священной идеи» приводит к тому, что сообщество обретает вполне узнаваемое лицо, вокруг которого формируется аура уважения. Здесь, на волне смешения двух логик обмена, сложился специфический тип субъектности, который самым парадоксальным образом одновременно является и коллективным, и сингулярным²⁹. При очевидном сохранении приватного потребительского пространства отношение к предмету, тем не менее, складывается как к узлу ризоматической сети, и именно поэтому любое «ах!» или

что жалко выбросить, — малинова цифирь будет не меньше, чем у пользователя Sagochka. А чтоб точно «хорошими дарами запахло», надо спуститься в подвал, набрать котов-цыганчат трёхцветных целую торбу (ведь там они кишат), паразитов из них выгнать, бочка откормить, чтоб аж лоснились... Но «не корысти ради, а токмо» для того, чтобы этими хорошенькими которёбёнками трогательно непрерывно заполнять общую ленту ДаруДара... Вот только всего этого бесчестия я творить не стану. Когда-то великий поэт намекнул: если нечего дарить, то лучше не дарить что попало. URL: <http://darudar.org/blogodar/post/4325/#scrollTo:comments> (дата обращения: 12.01.2013).

²⁹ Этот очень интересный феномен заслуживает отдельного внимательного рассмотрения; здесь же, наверное, стоит заметить, что как таковой он близок к сфере нетнографии Маркуса Гислера и его системе потребительских даров («Consumer Gift Systems»). Незвучащее по-русски слово *нетнос* (от англ. *net*, сеть и *этнос*) весьма точно определяет специфику сообщества, складывающегося как *народность*, существующая online. Аргументом в пользу существования дарударовцев как живого *нетноса* может считаться создание большого количества прижившихся неологизмов и новых форм слов, фиксирующих «нетническую идентичность», таких как «благодар», «дарономика», «дарик», «кот в мешке», «сообщники», и всевозможные аббревиатуры типа ОВ, ДД, ПП и прочее.

«фу!» по поводу какой-либо вещицы сразу попадает в коллективный медиа-резонатор и там обретает смыслообразующую функцию, возвращаясь к индивиду в виде вклада в персональный статус. Субъект как агент действия, как агент-«сообщник» практики дарения существует в конвергентной реально-виртуальной зоне, где сетевая платформа подкреплена личными встречами, и оба этих компонента немислимы друг без друга. Поэтому утверждение разработчиков о скором выходе практики всеобщего дарения «на улицу» скорее является красивой утопией, которая никогда не осуществится в «реале», так как всегда будет необходима виртуальная зона декларированной безопасности, где все подготовлены дарить, желать и быть одаренными. Если на улице незнакомый человек начнет осыпать нас дарами, то это вызовет только испуг, поскольку в современной повседневности нет места спонтанному дару. Навык дарения, полученный в сетевом пространстве, не извлекаем и не переводим в пространство реальное по той простой причине, что завязан на сетевой резонанс. Таков эффект этого фармакона со всей его двусмысленностью: теперь для адепта Дарудара любой дар вне сети будет как-то мелковат. Так энтузиаст дарения оказывается крепко привязан к сервису darudar.org и незаметно для себя попадает в своеобразную зависимость, которая сродни шопоголии, адренилиновой наркомании и прочим маниям общества потребления. Тем более что в эпоху гиперпотребительской активности и ее кризиса с перенасыщением просто необходимо отдавать, чтобы было куда покупать³⁰. Благодаря эргономичному устройству сайта пользователям легко и удобно быть добрыми, расточительными, причем без особых жертв. По большому счету, Дарудар — ответ на запрос людей, которые хотят видеть себя добродетельными и при этом не выпа-

³⁰ В этом смысле батаевское различие архаической экономики как экономики непроеизводительных трат и капиталистической экономики как экономики накопления давно утратило релевантность. Потребительский капитализм требует изобилия трат ради увеличения скорости потоков. Поэтому чувство удовольствия от богатства связано не со способностью накапливать, хотя и не со способностью аристократически уничтожать богатства, а со способностью транслировать быстрый и мощный поток ценностей через себя.

дать из потребительского потока; это платформа, так сказать, для высокоморального потребления. Подобно тому, как в традиционном обществе среди некоторых охотников-собираателей обмен добытой пищей являлся гарантией для любого человека от неудачи в его ежедневной добыче, Дарудар выполняет весьма важную социальную функцию, являясь своеобразной страховкой от непотребления³¹. Мускулатура потребления не должна терять тонус, ее следует поддерживать в форме любым способом; необходимо желать вещь вне зависимости от того, можешь ты позволить себе ее приобрести или нет.

Дискурс желания на Дарударе практически паразитирует — глагол «желать» используется симптоматично часто, являясь декларированным оператором дарударовской коммуникации. То, что предлагается в дар, необходимо «пожелать», заявив о себе в соответствующей категории как о «желающем», и вступить в эмоциональный аукцион, соревнуясь в красноречивом описании своего страстного желания с другими претендентами на дар. В итоге частотность словупотребления «желания» и производных от него превращается в некую мантру, заклинание, создавая эффект неиссякающей способности желать. На фоне откровенных и навязчивых векторов современных PR, направленных на пробуждение всегда уже слишком отчужденного желания в потребителе,

³¹ В качестве примера можно привести дары неимущим, например: «Еда. поделюсь с тем, кому это правда нужно... вы напишите, чего бы вам особенно хотелось, а я постараюсь составить небольшой продуктовый набор. может и правда смогу помочь чем то... бывают же времена когда совсем тяжело... и такое бывает у всех». URL: <http://darudar.org/gift/2225139/> (дата обращения: 19.01.2013). При всем видимом желании искренне помочь реально нуждающимся здесь перед нами протянута именно потребительская рука помощи: это как раз дружеская страховка от непотребления, ведь заявка на дар сформулирована как желание того, что особо хочется. То есть здесь не предложена конкретная еда, которой будет рад голодающий, здесь предложено удовлетворить потребительский запрос. Интересно, что в репликах желающих звучали такие продукты, как баклажаны, апельсины и кабачки (и это 20 января), — такие объекты «голода» порождены упаковкой естественных потребностей организма в культуру супермаркета.

Дарудар выглядит более изощренно, предлагая непритязательный соблазн с человеческим лицом. Пресловутое дарударовское «тепло отношений» подпитывается специфической разновидностью желания, которое не имеет ярко выраженного сексуального подтекста, но, тем не менее, скрытым образом эротично, как, собственно, и положено порядочному желанию. Эротичность здесь укоренена в телах вещей, их многослойных упаковках из времени, обстоятельств и истории взаимодействия с телами предшествующих обладателей. Вещь-дар танцует перед претендентами, образно говоря, танец семи покрывал Саломеи; однако, если в этом танце кто и потеряет голову, то не всерьез, и ненадолго. Плюшево-игрушечный характер этого желания, выраженный в ткани дарударовской коммуникации через обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов и игривых оборотов речи, наглядно свидетельствует о безопасности эротического в этой зоне. Постоянный подогрев этих, казалось бы, несерьезных эмоций на самом деле позволяет поддерживать циркуляцию социальной энергии желания, выполняющей в наши дни роль магической маны.

Взглянем на судьбу непрозрачной вещи с другой стороны. Справедливости ради стоит отметить, что наша Саломея, завернутая в семь покрывал бытового перламутра, далеко не всем покажется одинаково соблазнительной. Специфическая телесность, представленная здесь весьма ярко и фактурно, не имеет общепринятой конвенции по поводу дистанции к ней. В результате контакт с б/у дарами у некоторых вызывает экстаз и умиление, а у других — острый приступ брезгливости, как если бы речь шла о своеобразном свингерстве по-

³² В размещенных на сторонних ресурсах отзывах пользователей Дарудара часто можно встретить такую негативную реакцию: «Ещё из МИНУСОВ сайта: выкладывают часто всякий хлам: застиранные и заношенные чуть ли не до дыр кофточка, лифчики и трусики(о, ужас!), б/у косметику (особенно часто помады и тушь, которыми в принципе нельзя пользоваться, т. к у каждого человека свой набор микробов и это, мягко говоря, негигиенично) (пользователь Stervoznaya Kisa. URL: <http://irecommend.ru/content/vse-khorosho-no-skriny-darov-s-saita> (дата обращения: 10.12.2012)); «Просто потому что я НЕ ХОЧУ принимать в дар поношенные лифчи-

средством вещей³². Мера телесной дистанции у всех разная и ожидания в дар вкладываются разные. И здесь мы вновь имеем дело с эффектом, производным от современной мультикультурной среды, с ее колеблющимися кодами и отсутствием четких представлений о границе приватности. Конечно, сам феномен брезгливости — сложносоставное явление, вовлекающее в себя современные представления о сакральном и табуированном. Но дело даже не в этом. Навязчивое желание под публичное улюлюканье втюхать далекий незнакомцам свое обветшавшее исподнее, равно как и симметричное ему желание примерить на себя чужую личиночную оболочку, на первый взгляд напоминает об эксцессивном характере внутреннего опыта, который, согласно Батаю, объединяет в одном флаконе эротизм и смерть³³. Дарудар, конечно, не является сервисом трансгрессивных практик, не только потому, что откровенно непристойные предложения подвергаются бдительным здравым смыслом пользователей безоговорочной анафеме, но и потому, что суть трансгрессии — в праздничном разрушении субъекта, а не в его досуговом развлечении. И все-таки подспудная потребительская тоска по разделенному теплу и по «славе, обретаемой при дарении себя»³⁴, может указывать и на тоску по разделенной смерти.

Наша современность, по словам Бодрийера, изгоняет смерть из сферы повседневности, в итоге превращаясь в позитивное, но безжизненное пространство. Знаки смерти изымаются отовсюду, в том числе и из корпуса вещей, и поэто-

ки, поюзанные помады и старые контейнеры для линз. Потому что я брезгую» (пользователь Busi. URL: <http://irecommend.ru/content/davaite-predstavimbez-foto-no-ya-ochen-staralas> (дата обращения: 10.12.2012)); «Люди отдают в дар все, что самим не нужно! Что уж говорить про разбитую обувь, сильно заношенное нижнее белье и т. д. И самое смешное — кто-то это еще просит в дар!» (пользователь Sol, URL: <http://irecommend.ru/content/nuzhno-imet-chuvstvo-meru> (дата обращения: 10.12.2012)).

³³ Согласно Батаю, суть эротического опыта в радикальной растрате собственной жизни, в роскоши, чреватой смертью не только для обладателя эротического импульса, но и для того, кому этот импульс адресован, поскольку это внутренний опыт, предполагающий взаимное и по природе агрессивное сминание и размыкание границ другого.

му вещь лишается возможности легитимно умереть, а мифологические сюжеты торжественной смерти вещи оказываются недоступны. Потому-то их либо стыдливо относят на помойку (словно отправляя стариков в дом престарелых), либо пытаются продлить их жизнь в бесконечном метемпсихозе передаривания. И сеть здесь вносит свою весомую лепту. Если представить себе сюжет сказки Андерсена об оловянном солдатике, который, как известно, прошел ряд этапов изменения статуса простой вещи вплоть до избывания своей судьбы³⁵ в очаге камина, и поместить этот сюжет в пространство Дарудара, то ни о каком торжественном финале речи идти не может. Пафосный рывок простой вещи к смерти здесь купирован и невозможен как жест. Единственная форма скудной эпитафии, которая может быть зафиксирована в рамках Дарудара, — это что-то вроде «почистила котика»³⁶ от просроченной косметики». Вот и все. Ни имен, ни судьбы; вещь, появившаяся из ниоткуда, исчезла в никуда.

В итоге на Дарударе мы наблюдаем, как простая вещь, избывшая свой жизненный срок в чьем-то личном пространстве (а то и вовсе не имевшая «жизненной силы»), попадает в сетевой конвейер «одухотворения» по-франкенштейновски и продолжает цикл существования, перемещаясь от дарителя к дарителю, неся в своей мертвой упаковке живую эмоцию. Этот некрофилический образ, возможно, слишком резок, но

³⁴ Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. С. 243.

³⁵ Андерсен вообще певец смерти вещи, поскольку вещь для него — лишь метафоры людей, которым свойственна христиански понятая конечность существования. Предметы в его сказках не живут, они сразу умирают, долго и чахоточно. В этом и состоит их жизнь и экзистенциальная насыщенность, столь отличающая сказки Андерсена от всех других. См., например, такие сказки, как: «Стойкий оловянный солдатик», «Бутылочное горлышко», «Воротничок», «Ёлка», «Чайник», «Штопальная игла» и др.

³⁶ Имеется в виду тот самый «кот в мешке» (передаваемый по кругу набор предметов, неизвестных заранее получателям), о котором речь шла выше.

³⁷ «Сколько отчаяния кроется в этом абсурдном желании [желании присвоить загробную жизнь и вечность], аналогичном тому, что питает собой наше бредовое накопительство вещей и знаков,

он хорошо отражает суть происходящего³⁷. Мы все передаем объекты остывающего желания и в результате разогреваем его и себя заодно. Сама передача дара с его тактильностью похожа на прямой массаж сердца, который невозможно сделать исключительно по сети. Это какая-то странная неотрелексированная стратегия спасения, которая позволяет сохранить жизненно важные для современного человека вещи. Дарудар — сообщество реаниматологов социальной маны.

* * *

Замысел данной статьи возник под непосредственным влиянием обсуждения с Натальей Леонидовной Соколовой феноменов и тенденций современной цифровой культуры. Авторы безмерно сожалеют, что статья увидит свет после ухода Натальи Леонидовны из жизни и диалог по многим вопросам так и останется незавершенным...

маниакальное коллекционирование своего частного мирка; смерть призвана стать последним предметом коллекции и, вместо того, чтобы пронзить собой нашу инертность как единственно возможное событие, сама должна включиться в игру накопления вещей и управления вещами» (*Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. С. 310).

Простое

I

Все, что подвержено изменениям, сложно. Простое неизменно.

* * *

Мы живем в мире *объектов*. Все в этом мире где-нибудь и когда-нибудь возникает, взаимодействует со средой, устаревает, изнашивается и разрушается.

То, что первоначально казалось сложным, позже предстает как простое. *Простым* является вот *это* (расположенное прямо перед нами) устройство, по своим функциям, составу, способу взаимодействия частей менее сложное по сравнению с другими. Будучи *простым* в одном отношении (например, с точки зрения выполняемых функций и структуры), оно может быть *сложным* в чем-то ином — истории его создания и эксплуатации.

Простых *объектов* не бывает. Сложность *объектов* связана с их пространственно-временными характеристиками.

* * *

Кант считал пространство и время субъективными условиями (априорными формами чувственности), присущими человеческому сознанию и организующими восприятие объектов с точки зрения их расположенности и изменчивости. Пространство и время не атрибуты реальности, а свойства *сознания* реальности. Если предположение Канта верно, то *сложность* объектов связана с трудностями их восприятия человеком. Истина проста, но сложен путь к ней.

Стало быть, *простым* называют не объект, а верное, адекватное *знание* о нем: мы имеем представление о принципах работы некоего устройства и знаем, *что* со всем этим делать. Простой объект — это объект *знакомый*, приближенный к нам, освоенный и присвоенный: он часть *нашей* истории. Чем больше узнаваемых объектов окружают человека, тем уверенней и спокойнее ощущает он себя в мире. Какая наивность! Стоит некой вещи всего на пару минут выпасть из